

ПРИРУЧЕННОЕ БЕДСТВИЕ

Купава Огинская

Купава Огинская

Прирученное бедствие I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70021597

SelfPub; 2023

Аннотация

Прошлое ворвалось в размеренную жизнь Шани, нарушив ее покой. У прошлого дикие глаза, дурной нрав и множество тайн. Эта встреча изменила все. Теперь Шани придется жить зная, как аристократы наказывают врагов, чем правящая семья заслужила безоговорочную верность и насколько близка империя к уничтожению. Она и рада бы не знать, но у прошлого свои планы.

Содержание

ГЛАВА 1. Неизбежная встреча	4
ГЛАВА 2. Присватанный	17
ГЛАВА 3. Неприглядная правда. Часть 1	36
Глава 3. Неприглядная правда. Часть 2	54
Глава 4. Присмотр	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Купава Огинская

Прирученное бедствие I

ГЛАВА 1. Неизбежная встреча

Впервые этого человека я увидела много лет назад. Худой, нескладный ребенок, с непроходящими синяками и ссадинами.

Собственные родители считали его монстром из-за слишком светлых глаз, так похожих на глаза альсов. Он не был человеком, пусть и вышел из чрева человеческой женщины.

– Скажи, что мне нужно делать и я подчинюсь. – от тихого, вкрадчивого голоса по спине побежали мурашки.

В небольшой спальне, которую я делила с еще одной работницей пекарни, было слишком тесно для этого странного человека.

Он разбудил меня, напугал, а сейчас сидел на полу, в ногах и делал вид, будто все именно так и должно быть.

– Шани?

Из-под полуприкрытых век сверкали нечеловеческие глаза.

Слабый свет ночника не мог разогнать ночную темноту, скрывая черты его лица в полумраке.

– Для начала, отпусти мою руку. – голос прозвучал уве-

ренно и почти не дрожал. Я приободрилась. Может он и не заметит, как сильно его появление сбило меня с толку.

– Правда нужно? – он крепче прижался прохладной щекой к моей ладони. Сколько я его знала, ему никогда не хватало тепла, как бы отчаянно я не старалась его согреть.

– Да.

Это опечалило его. Но он подчинился.

– Раньше ты не была такой жестокой. Ты сильно изменилась.

– Прошло шесть лет, Йен. Ты тоже не похож на прежнего себя.

– Но ведь ты меня узнала!

Словно это было так сложно. Только два человека во всем мире знали меня Шани. И один из них сейчас должен был мирно спать в казармах. А другой... я не знала, где он должен был находиться, но точно не в моей спальне.

Йену сильно повезло, что он успел позвать меня по имени раньше, чем я среагировала на появление в комнате постороннего. Становилось дурно от одной мысли о том, что я едва не сожгла его дотла.

Не дождавшись от меня реакции, Йен порывисто подался вперед. Я отшатнулась и больно ударилась затылком о стену. Все же, эта комната была слишком, слишком мала.

– Ох, Шани...

Жесткие пальцы коснулись моего затылка.

Йен оказался слишком близко. Я ощущала слабый запах

дыма, исходивший от его темной рубашки.

– Раньше ты была куда осторожнее. – пробормотал он, перебирая мои волосы. Коснулся выбившегося завитка волос, нежно заправил, будто невзначай касаясь уха.

Я не шевелилась, ощущая себя добычей.

– К чему вспоминать, что было раньше?

Времена о которых он говорил с такой теплотой, были слишком тяжелыми. Я была совсем еще девчонкой, только потерявшей родителей и вынужденной заменить их брату.

А после и Йену. Робкому, пугливому, забитому мальчику, который никогда раньше не осмелился бы на подобную дерзость. Но сейчас он беззастенчиво трогал мои волосы, будто так все и должно быть.

– Это все, что у меня было. – признался он и легко дернул за кончик косы.

Скрипнула кровать – старые пружины не были готовы держать вес здорового мужчины, но Йену было все равно.

Опершись коленом о перину, он крепко обнял меня. Почти напугал.

Окажись на его месте кто угодно другой, я бы, пожалуй, уже что-нибудь ему подпалаила. И только после этого задумалась хотел ли он сделать что-то дурное или я все неправильно поняла. Но Йену, по какой-то необъяснимой причине, даже после долгих лет разлуки, я все еще доверяла.

Невозможно было представить, чтобы мальчишка, которого я когда-то неделю вытягивала с того света, отгоняя от

него тяжелую болезнь, причинит мне вред.

– Шани.

– Что?

Объятия стали чуть крепче. Я ощущала, как бешено бьется его сердце.

– Шани. – повторил он, уткнувшись носом мне в плечо.

– Что?

– Шани.

Горячее дыхание щекотало кожу, сквозь тонкую ткань ночной сорочки. Холодные руки держали крепко.

– Шани.

Все это было похоже на дурной сон. Немного сумасшедший и даже стыдный. Приличные девушки такими снами с подругами едва ли стали бы делиться.

– Шани. – Йен исступленно повторял мое имя. Не реагировал на слова. Только объятия его становились все крепче.

Я больше не могла это игнорировать.

Йен вырос, стал выше меня и куда сильнее, но когда я схватила его за ухо, совсем как в детстве, жалобно заохал. Послушно разжал руки. Извинился.

– Пообещай так больше не делать. – строго велела я.

Он на мгновение задумался, будто я потребовала что-то серьезное, а не попросила всего лишь быть чуть сдержаннее, и больше не набрасываться на меня.

– Боюсь, я не могу этого обещать. Я слишком рад тебя видеть и не уверен, что смогу держать себя в руках... ой!

Шани, пощади!

Я медленно, неохотно разжала пальцы. И дальше терзать его ухо не было никакого смысла.

Ощувив себя старше, ответственнее и серьезнее, я, наконец, смогла взять себя в руки. Как бы Йен теперь не выглядел, насколько бы не изменился, я была той, кто его воспитывал, даже если совсем недолго.

– Как ты сюда пробрался?

Он покосился на открытое окно второго этажа, выходящее в проулок. За ним была лишь гладкая стена и голая каменная брусчатка. Без магии забраться на такую высоту было почти невозможно, но воспользуйся Йен магией, и простенькая защита здания, тут же оповестила бы о вторжении.

И все же, я была уверена, что он не лжет.

– И... какие еще таланты ты в себе открыл за последние годы?

– Я все тебе покажу. – с энтузиазмом пообещал он, и потянулся пальцами к моей щеке. Обиженно вздохнул, когда я перехватила его руку, но упорствовать не стал. – Шани, я же обещал, что стану сильнее и буду вас защищать. Я сдержал обещание. Но...

Он обернулся на вторую кровать, будто удивляясь тому, что она пуста.

– Где Кел?

Только когда Йен обратил внимание на заправленную постель, на которой никто не спал последние два дня, я осозна-

ла, какой катастрофой все могло обернуться, если бы Несса не уехала на праздники домой.

Вернуться она должна была только завтра вечером. И всем нам очень повезло, что Йен выбрал именно эту ночь, чтобы навестить в гости.

– Он живет не здесь. Келэн вступил в имперскую гвардию. Йен нахмурился.

– Это может стать проблемой.

Не успела я спросить, что он имеет в виду, Йен встряхнулся и подался вперед, вновь заставляя меня напрячься.

– Скажи, Шани, он же не потерял голову от любви к правящей семье? Как сильно Кел изменился после того, как стал гвардейцем?

– С чего бы ему меняться? – опешила я. И вопрос, и проскользнувшая в голосе Йена тревога – настораживало все. Он не шутил, не пытался меня запутать или запугать, но будто бы знал то, что не знал почти никто. Какой-то страшный секрет.

Йен пожал плечами. Объяснять ничего он не стал, но ощутимо расслабился после моего вопроса.

– Если ты ничего странного не заметила, значит все в порядке. Скажи, когда мы сможем с ним встретиться?

Я с трудом подавила недовольство. Он бесцеремонно ворвался в мою жизнь, испортил трогательный момент встречи своей напористостью, а сейчас вел себя так, словно и не сомневался, что наши жизни теперь вновь крепко связаны.

Пусть я была рада его видеть, пусть все эти шесть лет я беспокоилась о нем, и сейчас, видя его целого и невредимого, чувствовала, как кружится голова от облегчения, но желание задать ему трепку было куда сильнее желания обнять.

Я прикрыла глаза и задержала дыхание, успокаиваясь. Проверенный способ, он никогда еще меня не подводил.

Йен склонил голову к правому плечу, с тихим восторгом глядя на меня.

– Ты сейчас на меня сердишься? В чем-то ты совсем не изменилась.

Когда-то два беспокойных подростка часто выводили меня из себя. И я часто пыталась держать себя в руках, чтобы не ругать их, потому что понимала, они не виноваты в том, что переполнены энергией. Как не виноваты и в том, что я почти всегда была уставшей и опустошенной, и просто не справлялась со своими обязанностями...

Но кто бы мог подумать, что Йен до сих пор помнил такие незначительные мелочи.

– Днем. – сказала я, смягчившись. – Я уже отпросилась на вторую половину дня. А Кел взял увольнительную. Мы хотели посмотреть парад. Можешь присоединиться.

– Ох, Шани, – сдавленно прошептал Йен. Он не стал набрасываться, как в первый раз, только крепко обхватил колени, уткнувшись лбом мне в бедра.

Йен всегда испытывал дикую потребность в прикосновениях, больше других нуждался в ласке. Раньше это казалось

мне милым и трогательным, теперь же смушало.

Я осторожно коснулась его головы. Пропустила темные пряди сквозь пальцы. Все такие же жесткие, как волчья шерсть.

– Волче. – тихо позвала я. Йен вздрогнул. – Тебе не пора возвращаться? Разве тебя не будут искать?

– Кто? – от повернул голову, прижавшись ко мне щекой. Глаза его были закрыты, скрывая холодное сияние.

– Те, с кем ты ушел тогда.

– О, я тебе не сказал? Они больше никого и никогда не будут искать. Я убил их.

Меня пробрал нервный озноб. Не от слов про убийство, но от того, как легко они прозвучали. Даже обыденно.

Как же этот ребенок жил все шесть лет, если для него чужая смерть не имела значения?

– Йен...

– Не злись, Шани. У меня не было выбора. Я и сам не рад, что так вышло, мое обучение не завершилось. Но если бы я не сделал этого, ты могла бы пострадать, – после секундной заминки, куда тише он добавил, – а Кел пострадал бы наверняка.

– Что все это значит?

– Я расскажу. – пообещал он. – Но не сейчас. Сейчас тебе нужно отдохнуть.

Говоря это, Йен поддернул рукава рубашки, и окинул мою кровать взглядом.

– Будет сложно поместиться на ней вдвоем.

– Кто сказал, что ты можешь ночевать здесь?

Я не знала, что возмутило меня больше: эта его уверенность в том, что я соглашусь его приютить, или уверенность в том, что я соглашусь спать с ним в одной постели. Он уже давно перестал быть ребенком, которого нужно было успокаивать после ночных кошмаров. Теперь, пожалуй, он сам был похож на чей-то ночной кошмар.

Йен на мгновение растерялся. Отказа он не ожидал.

– Но сегодня мне некуда идти. Неужели ты выставишь меня на улицу?

– Это нечестно. – Я не смогла бы его выгнать. И он знал об этом, потому-то сейчас так нахально улыбался, рассматривая мое сосредоточенное лицо.

– Ну же, Шани, неужели ты не рада меня видеть?

– Рада. – это было правдой. Увидев его целого, невредимого и такого возмутительно-наглого, я почувствовала облегчение. Вина, терзавшая меня все эти шесть лет, из-за того, что не смогла защитить, отступила, но не исчезла полностью. А радость смешалась с тревогой.

Слишком много вопросов вызывало его появление, его слова и поведение. И я не была уверена, что хочу знать на них ответы.

– То есть, я могу остаться? – он улыбнулся, сверкнув удлинившимися клыками. Когда я видела Йена в последний раз, его оскал не был таким хищным.

– Можешь спать на моей кровати. – я похлопала его по руке, требуя отодвинуться. Он подчинился, с едва заметной, настораживающей задержкой. Йен и раньше слишком тяготел к человеческому теплу, но теперь это все больше походило на одержимость. Он старался быть как можно ближе, больше не задумываясь о том, разозлит меня это или нет. – Я займу кровать Нессы.

Йен поднялся следом, возвышаясь надо мной. А ведь когда-то мне нужно было опускать взгляд, чтобы заглянуть ему в глаза...

Он не стал спорить, быстро скинул туфли и забрался под одеяло. Расстилая постель Нессы, я слышала, как он возится, устраиваясь удобнее.

– Ты и пахнешь теперь совсем по-другому, – вздохнул Йен, зарывшись носом в мою подушку.

– Можно подумать, ты помнишь, как я пахла раньше. – тихо фыркнула я, хотя в его словах была правда. Мне давно уже не нужно было растить двух детей. Как только у меня появилась возможность позаботиться о себе, я избавилась от успевшего стать ненавистным, ромашкового мыла.

– Я все помню.

Когда в маленькой комнатке над пекарней, вновь стало тихо, я пыталась услышать дыхание Йена и не могла. Он не издавал ни звука. Уже засыпая, подумала, что на самом деле никто и не приходил, мне просто приснился очень реалистичный сон.

От этой мысли стало тоскливо и тяжело, но раньше, чем желание открыть глаза и проверить, правда ли я в спальне не одна, стало невыносимым, я соскользнула в беспокойный сон.

Все сомнения и переживания прогнал Йен, потревоживший меня через несколько часов.

– Шани, я не могу там заснуть, мне неудобно. – с упорством, достойным лучшего применения, он пытался забраться ко мне под одеяло, ненавязчиво отесняя меня к стене.

И на сон, даже самый реалистичный, это было совсем не похоже.

– Мы не поместимся.

– Поместимся. – его уверенность не была ничем подкреплена, но он не отступал. Надсадно скрипели пружины. Эти старые, железные кровати не были рассчитаны на такие нагрузки. – Я компактный.

– Йен... проклятье...

Он все же смог уместиться и вздохнул с облегчением. Я же, зажата между ним и стеной, не могла позволить себе даже нормально дышать.

– Выметайся из моей постели. – потребовала я сдавленно, а оттого не очень грозно.

И не дождалась никакой реакции.

– Йен?

Волосы на макушке щекотало теплое, размеренное дыхание. Притворялся он или правда мгновенно уснул, я не зна-

ла. С трудом, но мне все же удалось отвоевать себе немного свободы.

– От тебя дымом пахнет. – проворчала я, не надеясь на ответ.

– Тела пришлось сжечь. – тихо признался Йен, выдавая себя с потрохами. – Мы слишком живучие, у меня были бы проблемы, если бы кто-то выжил и решил мстить... Хотя, я переоделся, перед тем как прийти к тебе.

Он принялся к рукаву рубашки и недовольно фыркнул.

– Прости.

– Так ты не заснул. – я попыталась его спихнуть. – Убейся сейчас же. Врун несчастный!

– Шани, пожалуйста, – он не двигался, как бы сильно я не толкала. – Я не знаю, что будет завтра и как все обернется. Поэтому, прошу, не гони меня сейчас.

– Что ты...

– Я расскажу все завтра.

– Ты сделал что-то страшнее убийства кучи людей?

– Не людей. – поправил меня он. – И я не причастен к тому, что вы завтра узнаете. Но вам это не понравится. Возможно, вы меня возненавидите.

Сердце сжалось.

– Тогда, может не стоит рассказывать?

От его смешка обреченного и тоскливого, стало только тяжелее.

– Кел гвардеец. Он должен знать. И ты тоже. – Легко кос-

нувшись губами моих волос, Йен произнес, рассеянно и невпопад, будто давая подсказку. – Шани, я помню, как ты горела тогда, во время набега. Никогда больше я не видел ничего прекраснее.

Через несколько минут Йен и правда уснул. Я же еще долго лежала без сна, страшась и не желая наступления нового дня.

Ничего хорошего с собой он не нес.

ГЛАВА 2. Присватанный

Утро я встретила в одиночестве, в постели соседки по комнате. На мгновение меня накрыла паника. Если возвращение Йена мне действительно всего лишь приснилось, если на самом деле он не приходил...

Я резко села в постели и с подушки на пол что-то скатилось. Это оказался сложенный из бумаги цветок. На лепестках виднелись обрывки слов. Йен написал мне записку, но прочесть ее я могла лишь уничтожив цветок.

Осторожно развернув листок, я прочла короткое послание и почувствовала себя обманутой.

«Загляну в полдень. Спасибо, что согрела», гласила записка.

– И ради этого я все испортила?

Я не знала кто научил Йена превращать простую бумагу в столь прекрасные вещи, и не знала насколько сложно смастерить что-то такое, но чувствовала себя виноватой из-за того, что уничтожила плоды его трудов. Несмотря даже на то, что он сам вынудил меня это сделать.

Аккуратно сложив записку так, чтобы не наделать ненужных заломов, я убрала ее в скрытый карман своего самого нового небесно-синего платья с кружевом на несколько тонов темнее, украшавшим рукава и высокий воротник. После работы меня ждала встреча с братом и я не желала тратить

ни одной лишней минуты на переодевание.

В небольшой ванной комнате я долго умывалась холодной водой. Глаза опухли и покраснели, будто я плакала ночью.

Наскоро собрав волосы в пучок, я сбежала по узким, скрипучим ступеням на первый этаж.

В пекарне уже одуряюще пахло выпечкой.

Я накинула поверх платья передник, с вышитой на груди вертушкой с корицей* – фирменным десертом, с которого и началась история пекарни.

★

Вертушка с корицей – по нормальному – синнабон. Я просто решила выпендриться.

★

На кухне работа шла во всю. На столе, в углу, меня ждал стакан молока и самая первая, мягкая и еще совсем горячая, булочка. Завтракала я быстро. На соседнем столе, большом и массивном, уже дожидалась моего внимания выпечка, которую нужно было разложить по витринам.

Пекарней управляла чета Брэгдан. Открыл ее еще бабушка мистрис* Малии, и с тех пор это стало семейным делом. Даже мистеру Этану, чтобы жениться на мистрис, пришлось войти в ее семью и сменить фамилию.

★

Мистрис/мистер – обращение к замужней женщине или женатому мужчине.

Мадам/Месье – вдова и вдовец.

*Госпожа/господин – обращение к незамужним людям.
Или если статус непонятен.*

Леди/Лорд – обращение к аристократам.

(мой мир, мои правила. ~ ♥)

★

У пекарни было много постоянных посетителей, даже аристократы не брезговали покупать здесь выпечку. Порой заглядывали лично, что сначала приводило меня в полнейшее замешательство. К служанкам, забегавшим за свежими и ароматными сладостями для своих господ, я привыкла быстро и легко, но когда впервые увидела, как две леди в дорогих нарядах, зашли внутрь, и более того, заняли один из двух столиков у окна, собираясь передохнуть и полакомиться прямо в пекарне, я оторопела и не смогла выполнять свои обязанности. Повезло, что Несс была достаточно опытной и справилась со всем сама.

После того инцидента я впервые проявила любопытство и спросила у мистрис Малии, почему они не расширяются. Она тогда лишь улыбнулась и ответила весьма туманно:

– Нам недоступен дар, находиться в нескольких местах одновременно.

На тот момент я работала в пекарне всего несколько месяцев и не поняла смысл ее слов. А спросить о наемных кухонных работниках постеснялась. Это показалась мне неуместным.

С того разговора прошло почти четыре года и, пожалуй,

теперь я понимала, что именно мистрис имела в виду.

Пекарня имела такой успех потому что ее хозяйева вкладывали всех себя в работу. И рисковать они не хотели. Найти талантливого и старательного пекаря было не так-то просто, даже с редким умением мистрис Малии находить способных работников.

Всего одна ошибка могла безвозвратно уничтожить так долго создаваемую репутацию...

Быстро позавтракав, я взялась за первый поднос, собираясь вынести его в зал.

– Булочки с кремом положи рядом с рабочим местом. – напутствовала меня мистрис.

– Думаете, мадам Форман сегодня заглянет? – удивилась я. Даже обернулась в дверях, чтобы увидеть мистрис. Вдруг она решила так пошутить? Раньше за ней тяги к розыгрышам не замечалось, но ведь все может случиться в первый раз.

– Уверена. – мистрис Малия улыбнулась мне через плечо. – Сегодня праздник, дорогая. Наверняка мадам предпримет очередную попытку...

Я поежилась. Ее предсказания всегда сбывались. Было у мистрис какое-то противоестественное чутье.

К своей работе я вернулась без прежнего воодушевления. Мадам Форман была мне симпатична, но лишь до того момента, как начинала сватать очередного своего неженатого знакомого. Я уже давно смирилась со званием старой девы, и даже неплохо себя чувствовала в этом статусе. Но как бы не

старалась, не могла донести свое довольство жизнью до дам вроде Форман, которые исключительно из добрых побуждений, пытались пристроить меня хоть куда-нибудь.

Пекарня находилась почти в центре столицы, на возвышении, недалеко от обрыва. Хотя обрывом, поросшую мхом горную породу, в которой много лет назад выбили ступени и закрепили надежные поручни, назвать было нельзя. Но именно благодаря этой особенности, здания перед пекарней располагались гораздо ниже, позволяя рассветному солнцу заглядывать сквозь большие окна внутрь. Освещать стеллажи и витрины. В солнечных лучах выпечка выглядела как-то по-особенному вкусно.

Вероятно, именно солнце и стало причиной того, что в отделке пекарни использовалось дерево и ткани теплых тонов.

Через полтора часа, завершив основную работу на день, чета Брэгдан покинула пекарню. Я и раньше оставалась одна, но почему-то именно сегодня мне стало неуютно из-за этого.

Быть может, виной всему стал ночного визита Йена, или предупреждения мистрис о мадам Форман... Я не могла усидеть на месте. Внутри все гудело от напряжения. Я успокаивала себя, напоминая, что с чутьем-то как раз у меня все обстояло до печального плохо.

Мне не дано было предугадать опасность. Зато я могла ее сжечь...

Первые посетители появились в пекарне лишь ближе в девяти часам. В праздничный день многие предпочли свежим

булочкам здоровый сон.

Как и предрекала мистрис, мадам Форман пришла. Почти в полдень, с неким молодым человеком в модном нынче костюме тройке.

Восторженный и юный, он выглядел совершенно невинно и оттого вызывал лишь больше сочувствия. Я неплохо знала мадам Форман и уже успела уяснить, что просто так она ничего не делает. И, раз уж ей пришлось в голову прийти за булочками с кремом, в сопровождении юноши, ничего хорошего ни его, ни меня не ждало.

У меня не было настроения отбиваться от тягостной заботы мадам Форман, а помощи со стороны юноши ждать не приходилось. Он выглядел как человек, приученный безоговорочно слушаться старших.

Мадам окинула взглядом полупустые витрины и сокрушенно вздохнула, будто огорченная скудным выбором. Хотя за все время, что я работала в пекарне, она брала только булочки с кремом и ни разу не изменила себе.

Я выучено улыбалась, дожидаясь, когда это маленькое представление завершится.

На праздники почти все работники пекарни разъехались по домам, поэтому ассортимент в последние дни и правда нельзя было назвать богатым. Но на качество выпечки это никак не повлияло.

Праздник Солнца, проходивший в летнее солнцестояние, так же, как и Праздник Луны – отмечающийся в зимнее солн-

цестояние, был большим и одним из главных торжеств империи.

Два дня перед праздником люди проводили с семьей, в подготовках. Это была старая традиция, о которой все знали. Поэтому города в этот период замедлялись и затихали.

– Ох, душечка, неужели я опоздала? – мадам подняла на меня прозрачные, выцветшие глаза.

Я охотно поддержала разговор, жестом фокусника на уличном представлении, указав на булочки с кремом. Под стеклом витрины их осталось еще с десятков, все как на подбор пышные и нежные щедро заполненные начинкой.

– Самое лучшее еще осталось, мадам.

Угодить ей было не так уж и сложно. Достаточно только сказать то, что она желает услышать, а за годы работы в пекарне, я успела понять, что мадам хочет слышать, а что нет. Возможно, именно эта ненужная наблюдательность и сыграла со мной злую шутку. Если бы я не завоевала расположение мадам Форман, мне не пришлось бы терпеть ее попытки устроить мою личную жизнь.

– Тогда я возьму все, что есть. – решила она, указав тонким, сухим пальчиком на булочки с кремом. Засверкали в солнечных лучах ее кольца и браслеты. – Ко мне сегодня придут подруги, мы будем пить чай. Хочу угостить их лучшим.

– Уверена, они оценят ваш вкус.

Пока я собирала заказ в бумажный пакет, так же как и

мой фартук, украшенный изображением вертушки с корицей, мадам взялась за дело.

– Ах, что же это я? – наигранно опомнилась она и подхватила под руку юношу, до этого тихо стоявшего за ее плечом. – Душечка, познакомься, Элфи Шортер. Подающий надежды молодой человек. Окончил гимназию Уилборта в прошлом году. А сейчас работает в имперской канцелярии.

Я вежливо улыбнулась юноше.

Он смутился и опустил глаза.

Мужская гимназия Уилборта была местом престижным. Окончившие ее молодые люди, могли без особых проблем устроиться в жизни.

И я понимала, почему мадам упомянула об этом. Хотя, по моему мнению, достаточно было бы сообщить о месте его работы. Даже если Элфи был пока простым стажером в имперской канцелярии, это делало его весьма завидным женихом.

– И, представляешь, совершенно свободен. – с намеком произнесла мадам. – Его матушка, моя близкая подруга, крайне опечалена тем, что он все время уделяет работе и не думает даже искать себе спутницу.

– Мадам... – прошептал Элфи, мучительно краснея.

Мне было искренне его жаль. Он не был виноват в желании мадам Форман, пристроить меня.

– Должно быть, непросто работать в имперской канцелярии. Возможно, у господина Шортера нет пока времени ду-

мать о семье. Он же еще так молод.

Мадам печально покачала головой. Сдаваться она не желала. И, кажется, даже не понимала, что пытается женить на мне совсем еще ребенка. Если Элфи только в прошлом году закончил гимназию, сейчас ему было не больше девятнадцати.

Я не считала себя безнадежно старой в свои двадцать четыре года, даже если окружающие уже начинали утверждать обратное. Но глядя на Элфи, не могла избавиться от ощущения, что мне пытаются навязать заботу о малыше.

– И все же, душечка, почему бы вам не узнать друг друга поближе? – мадам решила не тратить больше время на уговоры и ринулась в атаку. В Элфи она не сомневалась, этот юноша был похож на ягненка, готового безропотно идти на заклание, если ему прикажут. – Вы так славно смотрите вместе.

Я ожидала чего-то подобного и даже не удивилась. Элфи же, смешался и вот-вот, готов был лишиться чувств от потрясения. Он не заслужил оказаться в такой неловкой ситуации, и уж точно не заслужил в жены кого-то вроде меня.

– Если вы так говорите, мадам. Я обязательно подумаю об этом.

Мой ответ за все годы не изменился ни единым словом. Но ни одну из нас это не беспокоило. Мадам каждый раз покидала пекарню, довольная собой, с неизменным свертком будочек с кремом. А я забывала о том, что обещала по-

думать. И через какое-то время этот разговор повторялся вновь.

Это продолжалось довольно долго, я даже начала думать, что мадам просто так развлекается и перестала придавать значение ее попыткам присватать мне очередного завидного жениха.

Пока однажды она не проявила настойчивость и не вынудила меня силой встретиться с очередным кандидатом. Им оказался преклонных лет мужчина. Дважды вдовец.

Кажется, это был один из ее племянников. Единственный свободный.

Он оказался неприятным человеком.

Я покинула его через двадцать минут после знакомства, хорошенечко опалив руку, которой он пытался меня щупать.

На следующий день после неудавшегося свидания, мадам влетела в пекарню разъяренной фурией.

Тогда-то я и узнала, что она закрывала глаза на то, что я игнорировала всех ее кандидатов, потому что считала меня скромной девушкой. И что теперь она разочарована во мне.

– Я хотела сделать тебя частью своей семьи! А ты покалечила Гарибальда!

Мы сильно поссорились. Мне казалось, что наши отношения безвозвратно испорчены... но через несколько недель, мадам заглянула в пекарню за своими любимыми булочками. С историей об очередном завидном женихе.

Все вернулось в привычное русло, с одним лишь измене-

нием: больше мадам не обманывалась на мой счет, теперь она рассчитывала, что рано или поздно хоть один из кандидатов меня все же заинтересует.

И, судя по всему, особые надежды она возлагала на Элфи.

Булочки с кремом были уже в руках мадам, наш разговор был окончен, а бедный юноша, смог наконец перевести дыхание, когда дверь распахнулась и в пекарню ввалился запыхавшийся Йен.

– Прости Шани! Я не опоздал? – Он увидел Элфи и застыл. – Кел?

Вероятно, после долгой разлуки, Йен и правда мог принять высокого, изящного молодого человека, с голубыми глазами и светлыми, вьющимися волосами, за Келэна.

– Ты обознался. – Я успела раньше, чем он сгреб Элфи в объятия. Удивилась рассеянно, тому, как быстро Йен преодолел расстояние от двери до прилавка, и почти сразу об этом забыла.

Мадам Форман, придирчиво рассматривала застывшего перед ней незнакомца. Где бы Йен не пропадал все утро, там его неплохо преобразили.

Пропахшую дымом рубашку и простые штаны он сменил на сидевший по фигуре костюм тройку. Будто пошитый на заказ.

Волосы больше не скрывали высокий лоб и не падали на глаза. Ночью я не смогла его толком разглядеть и сейчас изумленно таращилась на совершенно незнакомом мне

человека. Черты лица заострились, утратив детскую округлость. На губах застыла фальшивая улыбка, какой я никогда у него не видела. Раньше, он не любил улыбаться, оставаясь серьезным в любой ситуации. Взгляд, тяжелый и внимательный, никак не соответствовал улыбке. Но больше всего меня поразили сами глаза. Они стали темнее, не вызывали беспокойства своей неестественной белизной и не сверкали в тени.

Йен разглядывал мадам Форман и Элфи светло-серыми, вполне обычными глазами.

На несколько мгновений в пекарне повисла неуютная тишина, которую нарушил Йен. Утратив интерес к посетителям, он перевел взгляд на меня. Улыбка стала куда теплее.

– Ты закончила?

Я кивнула. Почти вся выпечка была распродана, а то, что осталось, мне нужно было вернуть на кухню. И запереть пекарню. Дел на пятнадцать минут.

– Это еще кто такой, дорогуша? – спросила мадам, уязвленная тем, что я отправляюсь куда-то с юношей, которого мне представила не она. – Не лучше ли будет этот день тебе провести с Элфи?

Йен чувствовал недовольство мадам, и быстро все понял. Его веселый взгляд меня насторожил, но предотвратить непоправимое я не успела.

– Я – лавный претендент на руку и сердце этой прекрасной девушки, госпожа. – уверенно произнес он, повергнув в шок сразу всех.

Не в силах выносить негодующий взгляд мадам, я закрыла глаза ладонью.

– Йен, не шути так. – попросила устало.

– С чего мне шутить? – возмутился он искренне. – Зачем тебе кто-то вроде него?

Небрежный взмах руки в сторону потерянного Элфи, окончательно вывел мадам из себя.

– Выбери меня. Я сделаю для тебя все, что пожелаешь.

Я прикусила язык, чтобы не напомнить ему, что он не смог выполнить одно мое простое желание и не лезть ко мне в кровать – такие претензии были не предназначены для посторонних ушей.

Задетая пренебрежительным отношением Йена к Элфи, а следовательно, и к ней самой, мадам оценивающе осмотрела Йена с ног до головы и недовольно поджала губы.

– Не будьте так самоуверенны, молодой человек. Элфи намного красивее вас. – произнесла она, и зачем-то решила обратиться ко мне. – Правда же, дорогуша?

– Для меня нет никого красивее моего брата. – не моргнув глазом, произнесла я, и потянулась за бумажным пакетом. Я никак не могла помочь Элфи, но хотела его немного поддержать, поэтому выбрала самое красивое ванильное пирожное и, упаковав его, протянула Элфи. – Надеюсь, вы любите сладкое.

Он больше всех нас не заслуживал оказаться в столь неловкой ситуации в один из главных праздников империи.

Мадам послала Йену победный взгляд, уверенная, что угостить бедного юношу меня побудила симпатия, а вовсе не жалость.

Когда они покинули пекарню, Йен, проводивший их внимательным взглядом, обернулся с требовательным видом.

– Дай и мне.

Я поманила его пальцем и когда он доверчиво приблизился, склонившись над прилавком, от всей души щелкнула по лбу. Ушибла палец.

– Шани! Раньше ты никогда меня не била.

– Раньше ты не вел себя как избалованный ребенок. – огрызнулась я.

Йен поник.

– Прости. Я был очень рад вновь тебя увидеть и немного забылся. Но от своих слов не отказываюсь. Выбери меня.

Не найдясь с ответом, я всплеснула руками, не зная, как выразить свое негодование.

– Что у тебя в голове творится?

– Знавал я одного альса, который задавался таким же вопросом. – со странной улыбкой признался Йен. Произнес он это так, что меня против воли заинтересовала судьба того альса.

– И что он сделал? – Я отвернулась, собирая оставшуюся выпечку на один поднос и не видела с каким выражение лица, Йен произнес:

– Попытался вскрыть мой череп.

Слова прозвучали легко и беспечно.

Когда я обернулась, Йен уже откинул крышку прилавка и пробирался ко мне.

– Давай я помогу.

– Ты... Ты же в порядке? – ни на мгновение я не усомнилась в его честности. О ментальных магах, любивших не только воздействовать на людей магией, но и изучать их мозги в лабораториях, ходили страшные легенды. Поговаривали, что менталистам как-то удавалось держать подопытных в сознании, во время проведения операций. Многие сходили с ума, но никто точно не знал случалось ли это из-за воздействия на мозг, или из-за невыразимого ужаса, что ощущали люди во время операции, полностью осознающие происходящее, но бессильные хоть что-то сделать.

Еще говорили, что у тех немногих, кто выжил после опытов, менялся характер, а порой и вся личность.

И если у Йена в мозгах кто-то копался, это многое бы объяснило...

– Что со мной станется? – отмахнулся он. – Я убил его раньше, чем он успел залезть мне в голову. Мое первое убийство.

Я опасно покосилась на дверь пекарни.

– Ты не можешь быть хоть немного осмотрительнее? Что если тебя кто-то услышит?

Йен замер, недоверчива глядя на меня.

– Ты действительно беспокоишься не о том, что я кого-то

убил, а о том, что меня кто-то мог услышать? Или ты считаешь, что я шучу?

– Я тебе верю и не думаю, что ты врешь. Просто переживаю за тебя.

– И ты не считаешь меня чудовищем из-за того, что я убивал? – осторожно спросил он.

– Не могу сказать, что меня это не тревожит, но у меня уже давно нет сил беспокоиться о ком-то кроме тех, кто мне важен.

Я хорошо помнила, как Йен попал к альсам. В том, что он вырос таким, была и моя вина. Я не могла отвернуться от него, только потому что мне претили его взгляды на жизнь, или пугала та легкость, с которой он говорил об убийствах. Ведь вполне возможно, что Йен стал таким из-за решений, что когда-то принимала я.

– То есть, я для тебя важен? – просиял он. В нем не осталось ничего от того мальчика, доверие которого давным-давно я пыталась завоевать булочками.

Сердце заныло, словно я потеряла что-то ценное.

– Ты же сейчас не притворяешься? – спросила я, надеясь услышать ответ, который меня успокоит.

Йен перестал улыбаться. Между нами повисла тяжелая тишина. Его глаза медленно выцветали и мне все больших усилий стоило выдерживать его взгляд. Не опустить глаз, не сдаться. От Йена не исходило никакой угрозы, он не представлял для меня опасности, но находиться рядом с ним в

эти мгновения было мучительно.

– Я... действительно так сильно изменился? – спросил он, когда я уже готова была позорно бежать на кухню, подальше от его стеклянного взгляда и лишённого всяких эмоций лица.

– Все меняются, это нормально. – я уже жалела о своем вопросе. Зачем рот открыла? И Йена расстроила, и только больше все запутала. – Я глупость спросила. Не бери в голову.

Он заторможенно кивнул. Разговор казался завершённым, но в воздухе все еще ощущалась неловкость. Я лихорадочно пыталась придумать новую тему для разговора, чтобы как-то заполнить тишину.

Не распроданная выпечка лежала на деревянном подносе. На витрине осталось всего две булочки. Я потянулась к ним, но быстро передумала и оставила их, чтобы взять с собой перед выходом из пекарни.

Йен выхватил поднос у меня из рук.

– Я помогу.

Спорить я не стала. Придержала дверь, ведущую из зала в короткий коридорчик, а потом и на кухню. Йен шел впереди и я не могла сдержать улыбку. Рука сама собой потянулась потрепать его по голове... И замерла на уровне плеча. Прошло шесть лет, об этом невозможно было забыть, глядя на повзрослевшего Йена, но в тоже время, в короткие, и одновременно невообразимо длинные мгновения, я будто воз-

вращалась в прошлое.

На кухне, когда он обернулся ко мне, ожидая дальнейших указания, глаза его снова были светло-серыми. Йен заметил мой любопытный взгляд, улыбнулся.

– Спрашивай.

– Что у тебя с глазами?

– Магия. – освободив руки, он провел ладонью перед лицом. Раз – и его глаза вновь нечеловечески белые, еще раз – и к ним вернулся серый цвет. – Первое, что нужно освоить альсу, если он собирается жить среди людей – простейшая маскировка. Я в этом не так хорош, как хотелось бы, но самое необходимое освоить сумел.

Мне хотелось спросить о многом, узнать как он жил эти шесть лет. Заново познакомиться с ним, понять правда ли от прежнего Йена в нем остались только воспоминания.

В том, что он все расскажет, не сомневалась, но не была уверена, что смогу справиться с услышанным.

Что раньше, что сейчас, я была никчемной трусихой.

Фартук я накинула на крючок, вбитый в стену. Поговаривали, что его, в порыве гнева, вколотила туда лично мистрис Маляя, своей любимой скалкой. Но слегка перестаралась от чего крючок вошел значительно глубже необходимого а по кирпичу пошли тонкие трещины.

Я этим слухам верила. Мистрис была сильной женщиной с взрывным характером.

– Нам пора. – я повела Йена обратно в зал. Задержалась

ненадолго у витрины и вышла на улицу следом за ним, со свертком подмышкой.

Солнце стояло в зените, уничтожив любой намек на тень на тихой и уютной Цветочной улице. Несмотря на название, ни цветочных магазинов, ни парков, ни даже разбитых поблизости клумб, здесь не было. Только название, мощеная дорога, не предусмотренная для транспорта и блестящие на солнце витрины и окна зданий.

Единственное, что хотя бы отдаленно подходило названию улицы – двустворчатые арочные двери одного из зданий, украшенные цветочной росписью. Яркие и красивые они привлекали взгляд каждого, кто проходил мимо. И никогда не открывались.

– Мы договорились встретиться у фонтана.

Я повела Йена в центр города.

ГЛАВА 3. Неприглядная правда. Часть 1

Столицей империи Эвдемония стала всего двадцать лет назад. Когда на престол взошел действующий император. Город и раньше был богатым и большим. Он манил мягкими зимами, возможностями и сказочными пейзажами.

Похожий на лоскутное одеяло, собранный из разных построек разных годов и стилей, этот город был прекрасен и притягателен в кругу городских стен и отталкивал своим видом, если случалось забрести в старые кварталы, за стену, на территорию тех, кто не имел ничего кроме своей жизни. Да и той почти не мог распоряжаться.

От пекарни, до фонтана у которого мы должны были встретиться с Келом, нужно было пройти всего три улицы.

– Шани, – позвал Йен, стараясь подстроиться под мой шаг. Что его, что Кела жизнь наградила до обидного длинными ногами, – можно я возьму тебя за руку?

– Нет.

– Почему?

– Кругом люди.

Йен скептически осмотрел полупустую улицу. Кроме нас, пожилой пары и девушки, занятой чтением книги на ходу, вокруг никого не было. До парада оставалось меньше двух

часов. Все, кто хотели занять хорошее место, уже давно толпились на центральной улице.

– Тебе неприятны мои прикосновения?

– Дело не в этом.

– Тогда в чем?

Я молчала, не решаясь признаться, что ответила так произвольно. Потому что с недавних пор предпочитала избегать чужих прикосновений.

Признаваться в этом было стыдно.

– Что б тебя, – я взяла Йена за руку и потянула за собой.

Небольшая, круглая площадь, центром которой был фонтан со статуей журавля, обычно была многолюдной и шумной. Но сегодня, в день парада, вокруг было тихо.

На скамье на другой стороне площади, сидела влюбленная пара. В тени раскидистого дерева, за торговой тележкой, дремал немолодой мужчина.

Я тянула Йена дальше к высоким кустам, полукругом обступавшим низкую, каменную скамью. Это было наше с Келом любимое место. Свежий воздух от фонтана достигал этой скамьи, а любопытные взгляды, останавливала пушистая зелень кустов.

Все утро солнечные лучи грели белый камень, но теперь, когда солнце оказалось в зените, ветки дерева укрывали это укромное место от полуденной жары.

– Садись. – велела я. И села первой. Зашуршала свертком.

Йен подчинился, с интересом осматривая площадь. И

удивленно замер, когда я сунула ему прямо под нос булочку.

– Держи.

Он медленно принял ее из моих рук, не отрывая взгляда. Словно это была не простая выпечка, а что-то невероятно ценное.

– Булочки, как в пекарне госпожи Джазе, в столице, конечно, не пекут. Но эта даже вкуснее. Тебе понравится.

– Шани?

– Ммм?

– Можно я тебя обниму?

Вопрос застал меня врасплох

– Что это с тобой? Помнится, ночью ты не был таким нерешительным.

Йен фыркнул, сдерживая смех. Его распирало от счастья. Он весь светился.

– Не говори такие двусмысленные вещи, Шани. Что если кто-то услышит? Тебя могут неправильно понять. – задумавшись на мгновение, он широко улыбнулся, – И мне, чтобы спасти твою честь, придется на тебе жениться.

Не найдясь с ответом, я предпочла сделать вид, что ничего не слышала.

Поняв, что я не собираюсь никак реагировать, Йен решил напомнить о своей просьбе:

– Обнять тебя...

– Нельзя.

– Почему? – он склонился ко мне.

Я кивнула вперед. К нам, с мрачным видом на хорошей скорости, приближался высокий парень в парадной форме имперского гвардейца – белой с золотой отделкой.

Кел неправильно понял происходящее и спешил избавиться от навязчивого внимания слишком наглого парня. А Йен и правда со стороны мог показаться наглым. Сидел слишком близко, заглядывал в лицо, делал все, чтобы привлечь к мое внимание.

– Это Кел? – он с интересом следил за приближением гвардейца.

– Да.

Я встала и вышла вперед, чтобы избежать неловкой сцены. Похлопала по спине, влетевшего в мои объятия брата и произнесла раньше, чем он успел сдвинуть меня в сторону:

– Посмотри, Кел, кто заглянул в гости.

– Кто? – спросил он, с явной угрозой, глядя на Йена поверх моей головы.

Я уже и не помнила в какой момент мы поменялись местами и заботиться стали обо мне. Старшей все так же была я, но незаметно для себя стала излишне опекаемой. Если бы я хотела завести семью, это могло бы стать проблемой, но я не имела ничего против статуса старой девы и ничего не собиралась менять. Я больше не хотела брать на себя ответственность ни за одну жизнь.

– Йен. – произнесла я, обернувшись через плечо. Отпустить меня брат не торопился.

Кел замер, недоверчиво глядя на того, кого уже записал в развратники и готовился пинками гнать прочь. Йен поднялся, представ перед ним во всей красе. В детстве он уступал Келу в росте и в развороте плеч. Прошло столько лет, но ничего не изменилось.

На фоне брата, Йен казался изящным и хрупким...

Так и не скажешь, что он мог бы хоть кого-то убить.

– Волче? – недоверчиво позвал Кел.

Йен недовольно поморщился.

– Не зови меня так.

Напряжение, витавшее в воздухе, рассеивалось. Келэн больше не планировал никого колотить. Он улыбался. Рас-
терянно и немного робко.

– Тогда... Йенни? – весело предложил он.

Йен закатил глаза.

– Ты неисправим.

Кел засмеялся. Мне всегда нравился его смех, жаль, после переезда в столицу, слышала его я редко.

– Зато ты изменился. Просто не узнать.

Я сдавленно пискнула, когда мои ноги оторвались от земли. Кел просто поднял меня, все так же прижимая к себе, шагнул к Йену. И я оказалась зажата между двух тел.

– Я так рад, что мы снова все вместе...

– Это ненадолго, если ты продолжишь так же сжимать. – придушенно прошептал Йен.

– Разве не ты хотел обниматься? – сдавленно напомнила я,

исключительно из вредности. Объятия брата и правда были излишне крепкими. – Чем же теперь недоволен?

Йен издал странный звук глухого негодования.

Вернув долгожданную свободу, я сунула в руки Кела оставшуюся булочку и с гордостью за хорошо выполненную работу, вытерла чистые руки о бока платья – дурная привычка, появившаяся у меня после того, как стала носить фартук.

Под рукой что-то зашуршало и я вспомнила о цветке, в который Йен превратил записку, и который мне пришлось разобрать. Вытащить его я не успела. Йен, разделив пополам свою булочку, протянул часть мне. Это было очень трогательно, но я отвела его руку.

– Теперь я могу позволить себе куда больше, чем раньше. Просто ешь.

Кел покосился на него с усмешкой.

– Шани теперь работает в одной из популярнейших пекарен столицы. – произнес он с важным видом. Будто и не отговаривал меня четыре года назад, принимать предложение мистрис Малии. Ему казалось подозрительным, что такая состоятельная дама хочет переманить к себе простую работницу какой-то захудалой кондитерской.

Тогда мне тоже это показалось странным, но я решила рискнуть. И не секунды об этом не пожалела.

Мистрис так толком и не смогла объяснить чем именно я ей приглянулась. Когда я спросила ее об этом, она просто пожала плечами и призналась:

– Мне понравилась твоя улыбка. Сразу захотелось что-нибудь у тебя купить.

Вероятно, за свое место работы благодарить я должна была обучившую меня всему, госпожу Джазе...

Я вытащила из кармана записку. Йен узнал ее сразу. Расцвел.

– Сделай как было. – я протянула ему листок.

До парада оставалось чуть больше часа, у нас еще было время в запасе.

Он послушно принялся вертеть бумагу в пальцах, загибая и разглаживая. Не прошло и нескольких минут, как Йен отдал мне бумажный цветок.

Кел присвистнул. Отнял его у меня, заинтересованно рассматривая белые лепестки.

– Похоже на камелию.

– Так и есть. – Йен был горд собой.

★

На языке цветов Камелия:

Белая – восхищение, «Ты восхитительна!»

Красная – огонь, пламя, «Ты – пламя в моем сердце!»

Розовая – тоска по кому-то, «Тоскую по тебе».

★

Я забрала цветок обратно, пока брат не успел прибрать его к рукам. Уж слишком заинтересованно Кел рассматривал белые лепестки.

– Если понравилось. Попроси, может Йен и тебе сделает.

А это мое.

– Зачем бы мне, – насупился он, отвернувшись. Келу нравилось много того, в чем он стыдился признаваться, считая это недостойным мужчины. – Но я и не представлял, что альсы занимаются чем-то настолько... невинным.

– Меня обучал не альс.

О старике из меерцев, Йен рассказывал с теплотой. О том, как они не могли понять друг друга, не зная языка, и о том, как несмотря на это, старик сумел обучил его такому необычайному умению. Были знакомы они всего год, но Йен успел привязаться к старику. Это было видно.

Я опустила глаза на цветок, страшась того темного и злого, что кольнуло мое сердце. Мне было радостно от того, что за эти шесть лет в жизни Йена было и что-то хорошее, и в тоже время меня мучало унижительное чувство ревности от ощущения, что меня заменили.

Я хорошо знала это чувство. Часто испытывала его в детстве, после того, как родился Кел. Родителям пришлось разделить заботу и любовь на нас двоих, я стала получать меньше внимания и винила во всем брата, пока не поняла, как глупа была моя ревность.

Конечно, тогда я не могла еще дать название своим чувствам, но уже понимала, что они меня только разрушают.

Пыталась с ними справиться. Преуспела...

А сейчас вновь ревновала.

Было стыдно смотреть на Йена.

– Не пора ли нам идти? – спросил Кел, щурясь на солнце. Его не терзали бесполезные чувства и не мучали угрызения совести.

Пока горожане толкались внизу, растянувшись на всю центральную улицу, мы прошли подворотнями и поднялись на крышу одного из зданий. Трехэтажного дома старой постройки. С плоской крышей, барельефом в виде львиных голов, и кованными ограждениями полукруглых балкончиков на третьем этаже.

Кел проворно спрыгнул с крыши на центральный балкон и вытянул вверх руки, готовый ловить меня. В первый раз было страшно, сейчас же, я без раздумий, соскользнула вниз и через мгновение уже твердо стояла на ногах и поправляла платье. Рядом неслышно приземлился Йен.

Двустворчатые, стеклянные двери ведущие внутрь, были заперты и задернуты изнутри тяжелыми шторами.

– Удачное место. – признал Йен. С балкона открывался чудесный вид на всю улицу. – Но что мы будем делать, если нас заметят хозяева?

– Не заметят. Это место пока никому не принадлежит.

Кел узнал об этом месте больше года назад, от одного из гвардейцев. За здание боролись командир гвардейцев и один из маркизов. Ни один из них не желал сдаваться. Время шло, а дом так и стоял без хозяина. И мы пользовались этим пока еще была возможность.

Когда Кел впервые привел меня сюда, чтобы посмотреть

зимние фейерверки на празднике Луны, я испугала, но быстро оценила все преимущества.

Улица Тихая, несмотря на свое название, тихой никогда не была. Она соединяла собой главную площадь перед императорским дворцом и набережную Тувья, названную в честь реки, разделившей город на две части. Эта улица была самой оживленной и многолюдной в городе. И, пожалуй, я могла понять, почему за это здания велось сражение.

Услышав о том, как много внимания к себе привлек этот дом, Йен только хмыкнул.

В далеке уже слышался дробный стук барабанов.

Кел покосился на Йена, не в силах больше сдерживать свое любопытство.

– Волче, ты ведь навсегда вернулся?

Йен поморщился. С детства его злило желание Кела называть его как угодно, только не по имени.

Они плохо понимали потребности друг друга. А я была еще слишком молодой и неопытной, чтобы помочь им разобраться во всем. Долгое время и мне самой было непонятно, что заставляло Кела так упрямо раздражать Йена, пока он не признался мне как-то вечером, после очередной ссоры из-за многострадального «Йенни».

Помнится, тогда я спросила зачем он злит Йена. Кел посмотрел на меня с осуждением и ответил вопросом на вопрос:

– Но разве это не замечательно, когда у близкого человека

есть прозвище, которое никто кроме нас не знает? Вот ты – Шани, я – Кел. А Йен? Он разве не наша семья?

А через несколько недель после этого, появилось второе прозвище, которое раздражало Йена куда меньше.

Так он и стал Волче. Пусть даже был от этого не в восторге.

– Добровольно я точно не уйду. Только если прогоните.

– С чего бы нам прогонять? – Кел удивленно покосился на меня.

Йен тоже смотрел на меня.

В отличие от брата я уже кое-что успела узнать, поэтому могла понять тревогу Йена.

– Рассказывай.

– Должно быть, для начала стоит сообщить вам, что через несколько дней я стану внебрачным сыном и единственным наследником герцога Оркена. – осторожно начал он.

Кел поперхнулся воздухом. Йен лишь бросил на него быстрый взгляд и продолжил:

– Это то, что делала группа, к которой меня определили.

Альсы много лет оказывали влиятельным и богатым жителям империи некоторые специфические и противозаконные услуги, забирая в качестве оплаты их титулы, дела или деньги. Так альсы проникали в людское общество. Накапливали власть и силу.

Покосившись на Кела, Йен добавил:

– Правящая семья так же пользуется услугами альсов. Нам

ментальное воздействие дается легче. И ментальные маги среди альсов встречаются куда чаще, чем среди людей.

Кел не выдержал, порывисто шагнул вперед, скомкал в кулаке рубашку Йена.

– Ты хоть понимаешь, что несешь?

– Задумывался ли ты когда-нибудь, почему дворцовая прислуга так противоестественно благоговееет перед императором и его родственниками? Почему гвардейцы так безоговорочно верны и готовы выполнить любой приказ, если его отдаст кто-то из правящей семьи? Слышал ли ты в казармах, хоть раз, чтобы кто-то критиковал решения императора? Или, быть может, отпускал грязные шуточки в отношении императрицы или принцесс?

– Это ничего не значит! Просто император...

– Повысил налоги. – я не сдержалась. Обычные люди были не в восторге от последних решений своего правителя, но критиковать в открытую побаивались даже аристократы. Потому что все знали, что имперская гвардия не дремлет. – Планирует расширение территорий. Хотя горожане этого не желают. Никому не нужна война. А еще в прошлом году в лесах на юге от столицы была запрещена охота для простых горожан. Если задуматься, существует много причин, критиковать императора. Хотя бы за глаза.

Кел побагровел.

– Да как ты смеешь?!

Никого уже не волновал начинающийся парад. Перестук

барабанов заглушил звук бьющегося стекла.

Кел угрожающе шагнул ко мне, Йен попытался остановить его и был впечатан в дверь. Стекло не выдержало такого напора. Йен и Кел рухнули внутрь помещения. Сорвали шторы. Подняли пыль.

Я нырнула следом, попыталась оттащить брата от распластавшегося Йена, придавленного к полу сидящим на нем Келом. Он отмахнулся от меня, как от мухи и я отлетела к стене.

Йен что-то сделал, заставив разжать руки, и выскользнул из-под него.

– Вы... – Кел тяжело поднялся следом, – просто ничего не понимаете.

– А ты говорила, что с ним все в порядке. – с осуждением произнес Йен, не сводя настороженного взгляда с нашей большой и опасной проблемы, и стараясь держаться на расстоянии.

– Он выглядел нормальным. – придушенно отозвалась я. От сильного удара из легких выбило воздух. Сильно болела спина. – Что будем делать?

Я уже примерялась к стулу с резными ножками и пыльной обивкой, что стоял у стены, в шаге от меня – те, кто оставили этот дом, не посчитали нужным укрыть мебель. В случае необходимости, я готова была оглушить брата.

Использовать огонь против Кела я не могла. Не хотела, чтобы он пострадал и одновременно боялась, что он сможет

обернуть мое пламя против меня же. Стихия у нас была одна на двоих, но брат оказался куда сильнее.

Четыре года обучения и тренировки в академии, дали свои плоды. Я же, не рискнула признаваться, имперским магам, что тоже обладаю силой и вынуждена была все изучать лишь в теории, по книгам в центральной библиотеке.

Мне не хотелось, чтобы хоть кто-то узнал, что у меня есть дар. Магинь в империи было не так уж много, потому любая девушка, пробудившая в себе магию, тут же лишалась всяких прав на свою жизнь. Что ей теперь делать, за кого выходить замуж и сколько детей рожать – все это решал совет магов.

Я себе такой участи не желала.

– Надеюсь, ты меня простишь, – произнес Йен, и одним скольльзящим, неуловимо-быстрым движением, оказался прямо перед Келом.

Легкий, едва уловимый всплеск незнакомой магии, и брат обмяк. Йен подхватил его раньше, чем тот упал на пол. Дотащил до дивана.

Я опасливо приблизилась.

– С ним же все будет хорошо?

– Пока он просто без сознания. – сказал Йен. Покосился на меня. – А ты как? В порядке?

– Чувствую себя ужасной сестрой.

Йен потрепал меня по волосам, точно так же, как раньше это делала я, когда хотела приободрить его.

– Не вини себя. Но, Шани... нам придется ему что-нибудь сломать. Физическая боль, должна ослабить ментальное воздействие. Без этого я не смогу ему помочь. Мои умения в воздействии на сознание весь скромны.

– Мы не станем его калечить. – оборвала его я. – Есть способ проще.

Комната, в которой мы оказались, была проходной, с несколькими стульями у стен, диваном, который занимал сейчас Кел, и небольшим, резным столиком, с пустой вазой из тонкого фарфора. С потолка спускалась низкая, трехъярусная люстра. Редкие солнечные лучи попадали на нее сквозь дверь, путались в гранях стеклянных украшений и оседали искрящимися брызгами на стены.

В воздухе парила пыль.

С улицы в комнату проникали громкие и веселые звуки.

Мне же сейчас было совсем не радостно.

– Нужно ли сначала привести его в чувства? Или можно сделать ему больно и так? – спросила я, и поддержала подол платья, собираясь опуститься на колени.

Йен придержал меня за локоть. Заглянул в лицо.

– Ты правда хочешь сделать это сама?

– Разве это не обязанность старшей сестры, вправить мозги брату? – спросила я серьезно, вызвав на бледном лице мимолетную улыбку.

– Тогда начнем. – Йен сел на колени, перед диваном и потянул меня за собой. – По моей команде, делай ему больно.

– А привести в чувства...

– В этом нет необходимости.

Я кивнула, размяла пальцы и положила ладонь на грудь Кела. Йен легко коснулся его лба и закрыл глаза. Замер.

У меня появилась возможность рассмотреть его. В солнечном свете, такой спокойным и недвижимым, Йен был похож на статую. Вызывающую одновременно трепет и беспокойство.

– Шани, ты прожжешь во мне дыру. – он не открыл глаз, только легкая улыбка тронула губы. Я смутилась и быстро заморгала.

– Прости. Мне сложно привыкнуть к тому, что ты снова с нами. – я перевела взгляд на Кела. – Ты так вырос.

Они оба выросли. Стали самостоятельными, больше не нуждались во мне. От осознания этого становилось тоскливо.

– Я рад, что ты это заметила. – произнес Йен. – Начинаем.

Поднимать температуру тела я научилась больше года назад. Когда во время фестиваля приходилось ходить с лотком по улице, приманивать покупателей сумасшедшими запахами выпечки.

Зима выдалась лютая, чтобы не заledenеть с утра до вечера находясь на улице, пришлось искать выход. Несса купила себе заговоренный камешек и носила его с собой всю неделю, что проходил фестиваль. Согревалась магией.

Я же, решила попробовать согреться самостоятельно. И у

меня получилось. Искры магии вместе с кровью разносились по всему телу и я не мерзла. Это была опасная затея, я понимала это, стоило только перестараться и огонь выжиг бы меня изнутри. Если бы я училась в академии, меня несомненно серьезно наказали бы за это. Но я не училась.

Все свои знания я получала из простейших основ, скудных фраз и неясных теорий – из всего, что можно было найти о магии в библиотеке. Много приходилось додумывать самой. Проверять на практике, рискуя собственным резервом.

И меня это более чем устраивало.

Я чувствовала, как Кел начал стремительно теплеть. Сердце под моей ладонью забилося быстрее. Он застонал. На лбу уже начинала блестеть испарина.

Я выпустила еще немного магии.

Воздействие на другого человека, давалось куда легче. Отточенные за долгие, холодные, зимы манипуляции, проходили быстрее и проще. И даже магии требовалось меньше.

Когда Йен отнял пальцы от лба Кела, я начала медленно снижать температуру. Брат успокаивался.

– Это оказалось сложнее, чем я думал. – придушенно произнес Йен. Его колотило. Руки дрожали. Под глазами залегли тени. – Все же, ментальное воздействие никогда мне толком не давалось. Но, кажется, получилось.

Я коснулась руки, которой Йен опирался о диван и поразилась тому, насколько она холодная.

– Ты будешь в порядке?

– Несомненно, Шани. Несомненно. Дай мне только пару минут, чтобы прийти в себя и мы... – он не договорил. Уронил голову на грудь, привалился к дивану и затих.

Напугал меня страшно.

Еще пять минут, которые мне потребовались, чтобы без вреда для здоровья, вернуть температуру Кела в норму, я сидела не сводя с Йена взгляда и крепко держа его за запястье. Только ощущая под пальцами биение его пульса, я могла оставаться спокойной.

Когда все закончилось, я осознала, что оказалась в чужом доме, почти одна – Кел и Йен раскинулись в живописных позах и пребывали без сознания – и не представляю как отсюда выбираться.

Глава 3. Неприглядная правда. Часть 2

Звуки парада затихали где-то вдали.

Мы все пропустили.

Но, возможно, только благодаря этому, я смогла услышать, как кто-то чихнул на первом этаже. В доме были посторонние.

На мгновение меня затопила паника. В ушах зазвенело, я оцепенела, не понимая, что делать. Как объяснить все происходящее?

Потратила драгоценные секунды на бесполезный страх.

С трудом взяв себя в руки, я тихо поднялась на ноги, прокралась к дверям, ведущим на балкон, зашторила их оставшейся целой шторой и попыталась спрятать под ней самые заметные осколки. Сорванную с карниза, затолкала под диван.

Тяжелые шаги по лестнице, заставляли меня быть очень быстрой.

Осмотрев комнату, я осталась недовольна увиденным, но исправить ничего уже не могла. Солнце проникало в комнату через узкое окно под потолком. Света было недостаточно, чтобы можно было рассмотреть учиненный нами беспорядок, но его вполне хватало, чтобы увидеть нас.

Я быстро вернулась на место, рядом с диваном и села.

Кто бы сейчас не поднимался к нам, в дом он вошел совсем недавно, иначе точно услышал бы как мы ввалились внутрь.

Я дрожала от нервного напряжения и дико завидовала Йену и Келу. Они находились в беспомощности и не представляли даже, в какой ситуации мы оказались.

В коридоре слышались приглушенные голоса. Мужские.

Мне нужно было придумать правдоподобную причину нашего появления в чужом доме, но в голове было пусто.

Дверь медленно открылась. На пороге, удивленно глядя на меня, стояли два стражника. Мгновение мы смотрели друг на друга, абсолютно шокированные встречей.

Я среагировала первой. Разрыдалась. С трудом поднялась на ослабевшие ноги и побрела к ним, выставив вперед дрожащие руки.

– Слава Всевышней, вы нас нашли.

Стражники были ошеломлены увиденным и допрашивать меня не стали, дав время придумать такую историю, после которой никого из нас троих, не упекали бы за решетку.

Мой ошалелый вид, слезы, и два бесчувственных тела за спиной, произвели на них сильное впечатление. Стражники еще были совсем молодые, неопытный и почти паниковали, активируя амулет для вызова подкрепления.

– А как... как вы нас нашли? – спросила я тихо, с благо-

дарностью приняв брошенный на плечи китель. Пока один из стражей возился со мной, второй отошел к Келу и Йену.

– Живы. – через несколько секунд громко произнес он.

– Мы совершали обход, госпожа. – бесхитростно признался второй стражник. С сочувствием глядя на меня. – Когда сработал маячок. В этом доме кто-то воздействовал на человеческое сознание.

– Дан! – раздраженно одернул его товарищ. О таком не принято было рассказывать. – Держи язык за зубами.

Парень смутился.

– На нас... на нас могли воздействовать? – я побелела еще больше. Не потому что испугалась ментальной магии. Я испугалась за Йена. Если станет известно, чем мы тут занимались – его казнят. А меня, скорее всего, отправят на добычу каких-нибудь опасных магических материалов, в Гиблые земли, где я протяну в лучшем случае пару лет. В худшем – сгину через несколько дней.

Несмотря на то, что правящая семья не гнушалась пользоваться услугами альсов, и всячески воздействовала на сознание своих подданных – что подтвердило неадекватное поведение Келэна, официально ментальная магия в империи была строжайше запрещена.

– Не стоит беспокоиться. Воздействие было коротким. Вероятнее всего, преступники не успели ничего сделать. – попытался успокоить меня страж. Ему было жаль напуганную и дрожащую девушку. В отличие от его товарища.

– Дан! Заткнись. Может она и есть ментальный маг.

– Ка... как вы можете меня в таком подозревать?! – я вполне искренне задыхнулась от негодования.

– Дамочка, вы тут единственная в сознании. – грубо заметил второй стражник. Его мои слезы только раздражали.

Время до прибытия подкрепления, мы провели в тишине. Я так и не смогла придумать правдоподобное объяснение нашему появлению в доме, поэтому решила обвинить в этом несуществующих преступников. Оставалось только надеяться, что слова Йена о том, что скоро он станет герцогом, были правдой.

Стражники со строгими лицами, прибыли через четверть часа – во время праздника пробираться по центральным улицам было не самым простым занятием; загрузили Кела и Йена в повозку, помогли забраться внутрь мне и повезли нас в управление.

Я вела себя тихо, глаз не поднимала. Почти не шевелилась. Изображала потрясение. Отыгрывала как в последний раз, надеясь, что моих актерских способностей будет достаточно. Получалось же у меня обманывать проблемных клиентов, делая вид, что я очень рада их видеть, а их рассуждения на тему выпечки мне крайне интересны.

В управлении нас разделили. Кел и Йен отправились в лазарет. Меня потащили к командору. Я сопротивлялась, не хотела оставлять их одних, когда они находились в таком уязвимом положении.

Особенно боялась за Йена. Если его маскировка слетит и все увидят светлые глаза...

Мои желания тут никого не интересовали. Меня протащили по каменной лестнице и коридору второго этажа до кабинета командора. В полумраке разглядеть, что написано на латунной табличке рядом с дверью было почти невозможно. Тисненные буквы терялись на отполированной основе.

В кабинете, за столом сидел мужчина с суровым лицом. Он поднял на меня глаза, и я едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. Врать под таким взглядом, должно быть, очень сложно.

Жестом, он предложил мне занять один из стульев стоявших перед столом.

– Итак, госпожа...

Командор, неохотно отложил папку, которую просматривал перед моим появлением.

– Шана Морай. – сдавленно представилась я.

– Расскажите, что произошло. – он жестом отпустил стражника, что привел меня сюда. Командор вызывал тревогу. Казалось, он видит меня насквозь. На строгом лице без возраста, застыло непроницаемое выражение. Ему могло быть как тридцать, так и сорок лет, и думать сейчас мог о чем угодно – внешне он не давал никаких подсказок.

Утром я оптимистично предвкушала, как хорошо пройдет сегодняшний день, как Кел встретится с Йеном, и мы все вместе насладимся парадом. А потом пообедаем где-ни-

будь...

Сейчас же я сидела в управлении городской стражи и готовилась врать.

Не зря ночью меня терзали дурные предчувствия. Ох, не зря.

Собравшись с силами, я рассказала командору, как мы с братом, опоздав на парад из-за его службы, пробирались позади толпы, в поисках свободного места, когда увидели, как в одной из подворотен подозрительные люди, удерживали прилично одетого юношу.

– Мой брат – гвардеец, он не мог пройти мимо. Решил помочь. Я увязалась за ним...

– Вы? – командор скептически окинул взглядом мою бессильную фигуру.

– Келэн пиромаг. Его порой заносит. – озвучила я очевидное. – Нужно было проследить, чтобы никто не пострадал.

Командор кивнул, принимая мои объяснения.

– Что было дальше, я не знаю. Едва мы подошли, как я потеряла сознание. Очнулась уже в том доме. Не успела прийти в себя, как появились стражники.

Это должно было объяснить, почему их устройство засекало ментальное воздействие и полностью снять с нас всю ответственность... Если в мою историю поверят.

Выслушав меня, командор задумался о чем-то. Некоторое время я сидела молча. Но надолго меня не хватило.

– Послушайте, я могу увидеть брата? С ним же все в по-

рядке?

Я почти не надеялась, что меня отведут к Келу, уже готовилась оказаться в камере... Но командор вызвал стражника – на этот раз им оказалась молоденькая девушка с широкой улыбкой. Ей было приказано отвести меня в лазарет.

Пока Кел и Йен считались подозреваемыми, их держали в лазарете управление, не отправляя в лечебницу.

Улыбчивая стражница привела меня в светлое помещение. Длинное, с большим окном, занимавшим половину стены. Шесть коек были выстроены в ряд и разделены тонкими шторками.

Кел и Йен лежали на соседних койках, поверх покрывал. Шторка между ними была отдернута.

У дверей, зевая, дежурил сонный стражник, поставленный здесь, чтобы следить за подозреваемыми. Как бы этот тощий, нескладный паренек смог помешать Келу или Йену, если бы они пришли в себя и пожелали покинуть палату, я не могла даже представить.

Стражница привела меня и тут же убежала по своим делам.

Под настороженным взглядом стражника, я приблизилась к койке Кела, присела на край и взяла его ладонь в свои. Мне хотелось подойти и к Йену, как-то убедиться, что с ним все в порядке, но я не могла этого сделать, пока за мной так настороженно следил стражник.

Ведь в кабинете командора я утверждала, что не знакома

с ним.

Несколько минут мы провели в неуютной тишине. Потом зашевелился Йен. Застонал, с трудом приоткрыл правый глаз...

Нас спасло лишь то, что я закрывала собой от стражника лицо Йена. Его маскировка спала.

Запаниковав, я подскочила и причитая, бросилась к Йену.

– Как хорошо, что с вами все в порядке, – я закрыла ладонью ему глаза, надеясь, что он поймет намек.

– Что происходит? Где мы? Ша... – пришлось зажать ему рот.

– Осторожнее, господин, осторожнее. Мы в управление. Стража спасла нас. Представляете, как повезло?

– Эй, – мне на плечо легла ладонь. Паренек беспечно приблизился, чтобы убедиться, что подозреваемый действительно пришел в себя, – он правда в сознании?

Йен щурился на него уже светло-серыми глазами.

Несколько мгновений стражник разрывался между необходимостью сторожить нас и приказом капитана доложить, как только кто-нибудь очнется. Вероятно, в палате должен был находиться еще один стражник, но его по каким-то причинам не было.

– Эй, – паренек вновь обратился ко мне. Вежливым его назвать было сложно. – Ты же не планируешь никуда сбегать?

– С чего бы мне делать что-то настолько глупое? – искренне удивилась я. У командора были мои данные, если я вдруг

сбегу, это лишь вызовет больше подозрений. Сейчас я изображала из себя жертву и вести себя должна была как жертва.

Стражник сдался, пригрозил мне страшными последствиями, велел не глупить и покинул палату, оставив нас одних.

– Шани, что произошло? – шепотом спросил Йен.

С моей помощью он смог сесть на койке, потер лоб дрожащей рукой.

– Проклятье.

– Нас нашла стража.

Я быстро пересказала ему все, что с нами случилось после того, как он отключился. Призналась, что наврала командору и объяснила, что ему придется рассказать на допросе.

Йен выслушал меня. Губы его то и дело подрагивали, он старательно сдерживал улыбку, но под конец не выдержал и захохотал. Почти сразу же схватился за голову, болезненно охнув.

Мне почти силой пришлось уложить его обратно.

– Отдохни еще немного. Скоро тебе понадобятся силы.

Едва я управилась с ним, как сзади завозился Кел. Я не спешила к нему приближаться, помня, как он разбил стеклянную дверь телом Йена. Чудо, что тот не порезался.

Кел медленно сел, держась за голову. Осмотрелся и остановил изумленный взгляд на мне.

– Шани, а что происходит?

– Он в порядке? – с опаской спросила я у Йена.

Тот лишь пожал плечами.

– Шани... – вновь позвал меня брат. – Что я наделал?

Вел себя Кел как обычно, агрессии не проявлял и я пода-лась к нему, надеясь, что он пришел в себя. Коснулась руки.

– Не важно, что ты сделал, главное, что ты расскажешь командору.

– Что? – он совсем запутался, казался растерянным и несчастным. Но у меня не было времени его утешать. Нужно было объяснить все раньше, чем стражник вернется.

Я едва успела рассказать о случившемся в общих чертах, когда дверь открылась, лишив Кела возможности уточнить какие-то моменты. Все что мне оставалось – верить в него и Йена.

Пока командор лично допрашивал Йена, а потом и Кел-эна, я сидела на неудобной скамье, в нише коридора и наблюдала за тем, как солнечные лучи, проникавшие в управление через большое, трехстворчатое окно и ложившиеся на плиты полка широкими полосами, становятся короче и тоньше. Время неумолимо шло. Я не знала, что происходит и начинала всерьез подумывать о том, чтобы поджечь что-нибудь в управлении. Устроить большой пожар, создать командору проблему, которая сможет отвлечь его от нас.

Мимо изредка проходили стражники, поэтому я не обратила внимания на приближающиеся шаги, и голову подняла только когда рядом со мной кто-то сел.

Йен виновато мне улыбнулся.

– Прости. Это все из-за меня.

– Не говори глупостей. Ты ведь заранее не спланировал все так, чтобы праздник мы провели в управлении? – дождавшись пока он отрицательно покачает головой, ошеломленно глядя на меня, я добавила. – Значит, ты ни в чем не виноват. Но, что важнее, можно ли нам вот так сидеть рядом? Мы ведь вроде как не знакомы.

– Разве не должен я познакомиться со своими спасителями? – Йен хитро улыбнулся. – Должен сказать, я им безмерно благодарен. Страшно представить, что со мной сделали бы ужасные бандиты.

Посерьезнел он так же быстро, как и развеселился.

– Но я просил прощения, за свою беспечность. Мне следовало предусмотреть и подобное развитие событий. Верхом безрассудства с моей стороны, было затевать серьезный разговор в центре города, под самым носом у стражи.

В праздничные дни количество патрулей действительно увеличивали. И у каждого патруля были при себе датчики, позволявшие не только уловить незаконное магическое воздействие, но и определить его природу. Это делалось для того, чтобы ускорить рассмотрение магических правонарушений и упростить вынесение приговора.

Место для того, чтобы Йен поделился с нами своими секретами, и правда было выбрано неудачное, но в этом была и моя вина. Я ведь знала, что нас ждет не легкая беседа...

Кел появился еще через полчаса. Йен успел задремать,

привалившись ко мне плечом. Его безмятежность меня поражала. Я, в сложившейся ситуации, даже расслабиться толком не могла.

Выглядел брат уставшим и подавленным. У меня сердце сжалось при взгляде на него, в голову сразу полезли плохие мысли.

Следом за Келом, следовала та самая улыбчивая стражница, что провела меня в лазарет.

– Вы свободны. Мне очень жаль, что это ужасное происшествие испортило для вас праздник. – она казалась очень отзывчивой и искренней. Но самое главное – стражница принесла хорошую новость. На ее доброту хотелось ответить и я растянула губы в неуверенной улыбке.

Все уже позади и наверное, хорошо, что я не успела ничего сжечь. Не хотелось бы усложнить и без того непростую ситуацию.

Из управления, по широкой лестнице вниз от двустворчатых дверей, на булыжную мостовую, я спускалась крепко вцепившись в локоть Кела, изо всех сил стараясь не сорваться на бег. Нервы сдавали.

Мне так страшно не было, когда я врала магам, уверяя, что дар пробудился только у брата. Тогда я рисковала только своей жизнью, сейчас под угрозой оказались мы все.

Йена мы ждали в старой части центрального парка, куда редко кто забредал. Местных жителей больше привлекали яркие цветы и аккуратно подстриженные кусты. Красота и

изящество.

Заросшие травой гравийные дорожки, дикие цветы, сцепившиеся ветвями деревья и разросшиеся кусты – необузданная, вырвавшаяся из-под человеческого контроля природа, вызывала у горожан только легкое беспокойство.

Парк располагался через две улицы от управления стражи, большой, раскинувшийся по левому берегу реки, он поражал воображение как своей красотой, так и размерами.

Сначала мне показалось хорошей идеей, покинуть управление порознь и встретиться тут позже. В лабиринте дорог и вытоптаных между деревьями тропинок было легко затеряться.

Теперь же я волновалась, что Йен нас не найдет.

Кел, сгорбившись, сел на обломке колонны, не заботясь о сохранности парадной формы. Впрочем, после потасовки в пыльной комнате заброшенного дома, былую белизну и мундир, и щегольские штаны давно потеряли. Уперевшись локтями в колени, Кел низко склонил голову и смотрел под ноги. Переживал, что едва не причинил вред мне, и напал на Йена.

Я села рядом, рискуя испачкать платье, похлопала Кела по плечу.

– Подумай вот о чем, братец, ты больше не чужая марионетка. Теперь ты все знаешь...

Кел удрученно покачал головой.

– Не знаю, что Волче сделал, но я не излечился. Стоит только вспомнить, что он говорил об императоре, и сдер-

живаться становится тяжело. Даже понимая, что это не мои эмоции, я никак не могу это контролировать. Что если я причину вред тебе? Или ему?

Я согнула руку, предлагая Келу полюбоваться на мои, скрытые под платьем мышцы. Работа в пекарне закалила меня, сделала крепкой и выносливой. Долгие годы я месила тесто, взбивала крем для десертов, таскала мешки муки и подносы с выпечкой.

– Не недооценивай меня. Я сильная.

Кел улыбнулся. Светло и чуть виновато.

– Ты самый сильный человек, которого я знаю, – польстил он, но я не стала его одергивать. Слышать это было приятно, даже если он бессовестно врал, – просто...

– Что за унылая атмосфера? – на полукруглую площадку, прямо из кустов вывалился Йен.

Мы не слышали его приближения. Он неожиданно оказался перед нами. Отряхнулся, взъерошил волосы, вылавливая из них листочки. Улыбнулся, насторожившемуся Кел-эну.

– Не смотри на меня так. В месте, где я воспитывался, быть тихим учишься прежде всего. Иначе не выжить.

Он сел на колонну рядом со мной, почти касаясь плечом. Вздыхнул.

– Не так я надеялся провести этот день.

Никто из нас не хотел, чтобы так все обернулось. Мы должны были выслушать историю Йена, заверить, что его

прошлое нас нисколько не беспокоит, примириться с настоящим и отправиться в маленький ресторанчик недалеко от порта, на праздничный ужин. Все вместе.

– Расскажи, – попросил Келэн, почти потребовал, вновь глядя только себе под ноги, – что еще ты знаешь? Только... постарайся не упоминать императора. Я не уверен, что смогу сдержаться.

Йен понимающе улыбнулся.

– Значит, я не смог полностью уничтожить оказанное на тебя воздействие. Что ж, Кел, придется тебе самому себя спасать.

Брат встрепенулся и поднял голову. Он с надежной смотрел на Йена.

– Как?

– Просто помни, что чувства, которые ты испытываешь к правящей семье – не твои. Ментальная магия, по сути своей, довольно хрупка. Достаточно заронить зерно сомнения, чтобы уничтожить внушенные установки. – Йен хлопнул в ладони, заставив Кела быстро заморгать, а меня вздрогнуть. – А теперь мы поговорим о действительно важном. Зимой, на празднике луны, альсы пробудят ото сна забытых богов. По нашим сведеньям, их усыпальница находится под столицей.

Я попыталась представить, как стихийные исполины пробиваются сквозь толщу земли, мостовые и дома. И не смогла. Слишком невероятной казалась картина.

– Но это же просто легенда.

Йен покачал головой. Похлопал себя по карманам, ища что-то, нашел искомое в кармашке жилета и протянул мне.

– Что это? – я приняла из его рук совсем небольшой, каменный осколок. Черный и матовый, будто поглощавший солнечный свет. В пальцах он ощущался теплым и словно пульсировал.

Кровь в венах забурлила, я почувствовала подъем сил. Небывалое могущество. Полную неуязвимость...

Голова закружилась.

– Кусочек сердца одного из разбитых богов. – Йен забрал у меня осколок раньше, чем его на меня воздействие стало необратимым. Келу не позволил даже коснуться. – Все, что сумел отколоть. На альсов сила ваших богов не действует. Нам они не страшны.

Я растирала онемевшие пальцы и на осколок старалась не смотреть.

– Ты почувствовала это, верно? Жалкая, мертвая щепка почти захватила тебя. Представь, что случится, если все сердца забьются. – Йен помедлил, сомневаясь в том, что хотел сказать. Но, все же, добавил. – Начнется хаос. Со времен правления забытых богов, прошло много столетий. Мир изменился. Он больше не в состоянии выдержать их присутствие.

Люди сдвинули границы своих территорий и отняли часть земель альсов. Попытки вернуть свое, успехом не увенчались, поэтому, альсы, решили забрать у людей все. Ненадеж-

ным, жестоким и разрушительным способом.

– План разработан уже давно, но на его реализацию потребовалось много времени. Вероятно, если бы наши общины действовали вместе, все уже давно свершилось бы, но на наше счастье, альсы разобщены.

Йен весь поник. Его мучала вина, но не из-за того, что его собратья собирались уничтожить целую империю – в истории нашего мира это был бы не первый такой случай. Он чувствовал себя виноватым, потому что должен был рассказать нам о грядущих бедах.

А знание, без возможности что-то изменить, могло стать худшим наказанием.

– По плану столица, вместе со всеми прилегающими территориями, просто превратится в мертвые земли. Оставшихся в живых людей, лишенных правителя, будет легко захватить.

– Это можно как-то предотвратить? – хрипло спросил Кел.

Йен пожал плечами.

– Мне известно не многое. Но у нас еще есть время, чтобы во всем разобраться. Или вы можете покинуть империю. В мире не так уж мало государств, где люди могут мирно жить.

– Мы должны рассказать обо всем главнокомандующему. – медленно, будто через силу, произнес Кел. Он боролся с собой, но ментальное воздействие было все еще слишком сильным.

И я всерьез забеспокоилась, что он действительно все выложит своему командиру.

Йен невесело усмехнулся.

– У меня нет никаких доказательств, кроме подслушанных разговоров и этой проклятой щепки. Нам не поверят. Меня казнят. Шани, думаю, тоже. А тебя, вероятнее всего, отправят к магу на доработку. Так что, если ты не сможешь сдержаться, больше никогда нас не увидишь.

Кел побледнел. Несмотря на свое состояние, он сумел не поддаться, внушенной ему, слепой преданности, и понуро кивнул, признавая правоту Йена.

– Но почему меня не казнят вместе с вами?

– Может и казнят. – не стал спорить Йен. – Но я, на месте твоего командующего, не стал бы так легкомысленно избавляться от воинов, на которых ушло много времени, сил и золота. И, ментальной магии, если быть до конца откровенным. Куда лучше полностью лишит тебя воли, превратив в послушного болванчика, и использовать в своих целях.

Я поднялась с колонны, решив завершить этот неприятный разговор. Проще всего было бы поверить в то, что Йен все выдумал, или неправильно понял, или его обманули.

История про забытых богов казалась безумной и неправдоподобной. Еще безумнее было полагать, что кто-то смог бы их пробудить...

Если слова Йена окажутся ложью, я буду всего лишь обманутой, но живой дурочкой. Если же все, что он сказал –

правда, а я ему не поверю, буду мертвой дурой.

– Сбежать мы успеем всегда. Для начала давайте попробуем что-нибудь разузнать.

Йен с благодарностью мне улыбнулся. По какой-то причине ему было бесконечно важно, чтобы мы ему поверили. Не высмеяли и не прогнали.

Глава 4. Присмотр

Утро началось как обычно: мне пришлось силой вытаскивать Нессу из постели. Любительница поспать, за все годы работы в пекарне, она все еще не приучила себя вставать на рассвете.

На первом этаже было тихо. Пекарня уже наполнилась ароматом сдобы и корицы.

Все шло своим чередом.

Лисса и Эмили – две работницы пекарни, что жили в комнатке напротив нашей, еще не вернулись в город после праздников и вся работа легла на наши с Несс плечи. Три следующих после праздника дня, нам предстояло работать за четверых. Родители Несс* жили в столице и ей не нужно было тратить много времени на дорогу. У меня же кроме Келэна не было никого и мне некуда было уезжать. Семьи Лиссы и Эмили жили далеко за пределами столицы.

*

Несс – это не ошибка и не опечатка. Просто Шана любит так ее называть. И, так как повествование ведется от первого лица, такой вариант имени Нессы будет встречаться довольно часто. Не только Кел любит коверкать имена дорогих ему людей.

Если бы Несса возмутилась, Шана, конечно, перестала

бы так делать (как это было с Йеном, когда он сразу негативно отреагировал на попытку Кела придумать ему прозвище. Шана никогда не называла его Йенни, хотя очень хотела).

★

Я надеялась, что работа отвлечет меня от мрачных мыслей, но чуда не произошло. Мои руки всегда были чем-то заняты, зато голова оставалась свободной. Слишком хорошо я знала свою работу, концентрироваться на ней не было нужды, мои мысли принадлежали только мне самой...

Поэтому, замешивая тесто или взбивая крем, я могла одновременно беспокоиться о том, чтобы Кел не сболтнул лишнего, переживать за Йена, который так и не рассказал за какую именно услугу он получит титул, и настороженно следить за двумя парнями, что не таясь, почти весь день просидели под навесом кофейни напротив, за одним из круглых столиков, выставленных на улице.

В первый день это могло оказаться простой случайностью. Но на второй, когда тот же самый столик, от которого хорошо просматривался зал пекарни, заняли два новых парня и снова просидели за ним весь день – я больше не могла этого игнорировать. За пекарней следили. За мной следили.

На третий день, под вечер, нас навестил командор, собственной персоной. Когда он сидел за своим столом, заваленным бумагами, я не могла оценить всю его внушительность.

Несса, протиравшая столику у окна, замерла, с интересом

глядя на высокого, хорошо сложенного мужчину, вошедшего в торговый зал. Юные леди, простые девушки или служанки из знатных домов заглядывали в пекарню часто. Мужчины появлялись реже. А такие как командор почти никогда.

Я попыталась улыбнуться, как учила госпожа Джазе, но не была уверена, что преуспела. Неожиданное появление командора напугало меня даже больше, чем слезка.

В голову лезли только плохие мысли.

Кел не справился с ментальным воздействием и все рассказал, Йена раскрыли. Кто-то видел, как мы возились на балконе и сдал нас...

– Неужели слава нашей пекарни достигла и управления городской стражи? – спросила я, ощущая, как от улыбки сводит скулы. Никогда еще доброжелательность не давалась мне так тяжело.

Командор ответил снисходительной полуулыбкой. Он возвышался надо мной, в этом своем дурацком кителе с тремя золотыми полосами на воротнике-стойке – одной толстой и двумя тонкими, и не стесняясь давил авторитетом.

– К сожалению, почти все распродано, как видите, – я указала на пустые витрины, где осталось всего несколько песочных корзинок и пара вертушек.

– Ничего страшного. – Командор даже не посмотрел на представленный, скудный ассортимент. Возможно, он еще ничего не знал, но определенно в чем-то подозревал меня. – Я все равно не люблю выпечку.

Годы опыта позволили мне сохранить на лице улыбку и оставить все мысли при себе.

– Тогда что вас привело?

Несса, комкая в руках мокрую тряпку, как замороженная рассматривала командора. Мужчины в форме были ее слабостью, все в пекарне знали об этом.

Командор, не подозревая, предметом чьих мечтаний только что стал, склонился над прилавком.

– Хотел узнать, как поживает юная госпожа, ставшая жертвой нападения.

У меня было два варианта реакции: я могла притвориться наивной дурочкой и заверить, что со мной все в порядке и я неплохо поживаю, а могла спросить:

– То есть, это не ваши люди, следят за мной уже третий день?

Потому что, всегда была вероятность, что это действительно не стражники и мне есть о чем переживать, помимо явления командора.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. С невозмутимым видом он пожал плечами, заверив меня, что забота о горожанах – главный приоритет стражи. Я не спорила, хотя все их действия больше походили не на защиту, а на попытку меня запугать. Заставить понервничать, возможно, совершить какую-нибудь непоправимую ошибку.

Будто какая-то заурядная работница пекарни, могла оказаться угрозой спокойствию и безопасности империи.

Если бы они только знали, что смотрят совсем не в ту сторону...

– В чем именно вы меня подозреваете?

Командор склонил голову к плечу, на мгновение напомнив мне Йена. Эта привычка, как оказалась, была присуща не только ему. Сердце заныло. Уже три дня я не получала от него ни единой весточки. Я погрязла в безопасном быту, пока Кел и Йен рисковали жизнями. Один – чтобы перебороть воздействие, другой – чтобы получить дурацкий статус. Йен утверждал, что это поможет в поисках альсов, решивших пробудить забытых богов. Здравый смысл в его словах, определенно был – разобраться во всем с деньгами было бы куда проще.

– Тогда, быть может, вы объясните, почему только на вас капрал Бонс, не смога ощутить даже слабого следа ментальной магии?

Я вспомнила улыбчивую и заботливую стражницу, и моя к ней симпатия ощутимо снизилась. Она была такой участливой и милой, а сама, в тайне, проверила меня на следы воздействия.

Почему бы не сделать все в открытую? Скрыть я все равно ничего не смогла бы. Остаточный след любой магии, рассеивается за считанные часы и у стражников были все причины проверить нас. Ведь именно на ментальную магию и сработал маячок во время патрулирования.

– Возможно, стража спугнула злоумышленников раньше,

чем до меня дошла очередь. – я пожалала плечами, тихо радуясь, что слабый след огненной магии никого не заинтересовал. Кел – официальный стихийный маг, избавил меня от еще более неприятных обвинений. – Разве, это не ваша работа, выяснить, что же тогда произошло?

Прозвучало резче, чем, наверное, следовало, но мое негодование можно было списать на обиду из-за несправедливых обвинений. Пусть и не высказанных вслух.

Но теперь хотя бы стало понятно почему ко мне приставили слежку и с какой целью стража действует мне на нервы уже третий день. Меня подозревали. Но не в том, что я воздействовала на Кела и Йена, а скорее в том, что я кому-то помогала использовать на них ментальную магию. Даже дети знали, что магический след оставался не только на том, против кого использовали магию, но и на том, кто ее использовал.

Обидно было понимать, что меня подозревали в попытке навредить собственному брату. Но, в то же время, я была рада. Потому что Йена, судя по всему, официально записали в жертвы.

– Госпожа...

– Я пережила ужасное потрясение, и не уверена, что когда-нибудь от него оправлюсь! – Иногда я жалела, что забыла как плакать. Страшно хотелось устроить этому надменному типу истерику, чтобы в будущем он сто раз подумал, прежде чем доставлять мне проблемы. – А вы смеете меня в чем-то

обвинять?

– Шана, – Несс шагнула к нам. – тебе стоит отдохнуть. Ты иди, я сама тут со всем разберусь.

На командора она смотрела без былого восторга. О том, что случилось нападение из-за которого мне пришлось побывать была в управлении я сама всем рассказала, чтобы ни Брэгданы, ни Несса не узнали об этом от посторонних.

Вероятно, тогда я была достаточно убедительной, чтобы сейчас, добросердечная Несса встала на мою сторону.

Воспользовавшись моментом, я сбежала. А потом весь вечер слушала возмущения Несс. Ее разозлили слова командора, почти привело в ярость то, что он не стал ничего покупать и просто ушел, после того, как я сбежала.

– Чурбан бесчувственный. – негодовала она, со зверским выражением лица выглядывая что-то в чашке чая. – Вот скажи, Шаночка, почему негодяи всегда такие красивые?

Внешность командора можно было бы назвать приятной, его не портила даже глубокая морщинка, залегшая между темных бровей. Но назвать его красивым могла бы только Несса. Возможно, командор был бы привлекательным мужчиной, если бы не взгляд. Стоило только вспомнить его темные глаза, лишенные всякого блеска, как меня пробирала дрожь.

Допив чай, я первой поднялась в спальню. Утром должны были вернуться припозднившиеся работницы, а это значило, что на рассвете в коротком коридорчике второго этажа будет

тесно и шумно.

– Шани...

Я планировала выспаться. Вытянуть все возможное из последних, тихих часов, до возвращения разговорчивой Лиссы. Поэтому, проигнорировав знакомый голос и тихий, ласковый зов, я повернулась лицом к стене и попыталась накрыться покрывалом с головой.

Мою руку перехватили.

– Шани, – раздался над самым ухом горячий шепот. В нем слышался отчетливый укор.

Я обернулась на голос, с трудом открыла один глаз и подавилась воздухом. Надо мной, в темноте что-то светилось. Лишь спустя несколько мгновений я поняла, что это Йен со своими дурацкими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.